

А.Ф. Писемский

Виновата ли она

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.Ф. Писемский**
Виновата ли она / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-3306-0

А. Ф. Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-3306-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Виновата ли она

Алексей Феофилактович Писемский

Виновата ли она?

Записки

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Мне было двадцать два года. Я перешел на четвертый курс математического отделения*. Освоившись с факультетом, мне очень легко стало заниматься, свободного времени начало у меня оставаться очень довольно, но куда его девать и чем наполнить даже в многолюдной Москве небогатому и одинокому студенту? Я жил один, знакомых не имел никого, и единственным моим развлечением было часа по два, по три ходить по Тверскому бульвару и бог знает чего не пере-думать. Однажды я встретил молодого человека, который прямо обратился ко мне с вопросом:

* Московского университета (Прим. автора).

- Не знаете ли кого-нибудь из ваших товарищей, кто бы приготовил меня в университет?

Я посмотрел на него пристально; на вид ему было лет восемнадцать, одет он был небрежно, в приемах его видна была беспечность. Лицо выразительно и с глубоким оттенком меланхолии.

- Если вам угодно, я могу это взять на себя, - отвечал я.

- Пожалуйста, мне надобно приготовиться из математики. Вы какого факультета?

- Математик.

- Это хорошо, а вы почему возьмете за урок?

Этот прямой вопрос меня сконфузил.

- Обыкновенную цену - рубль серебром, - отвечал я.

Молодой человек подумал.

- Хорошо, это я молу дать. Ваша фамилия? - проговорил он.

Я сказал, он мне назвал свою, дал адрес квартиры и просил прийти на другой день в семь часов вечера.

- Вы живете одни или с семейством? - спросил я.

- С матерью, есть и сестры, - отвечал он.

Мы расстались.

Я возвратился домой очень довольный этой встречей, мне давно хотелось иметь урок - не для денег, которых хотя было у меня и немного, но доставало на мои умеренные желания, но мне желалось учить, хотелось иметь право передавать другому свои знания, убеждения, а того и другого было в моей голове довольно в запасе.

На другой день я отправился еще за полчаса до назначенного срока. Дом, который отыскал по адресу, был барской; стоял он на дворе, по бокам тянулись огромные каменные прислуги, кругом почти целый квартал обхватывала железная решетка. Я долго путался в огромных сенях, наконец вошел в бельэтаж в главные двери. Лакей в ливрее на вопрос мой: "Здесь ли живет Леонид Николаич Ваньковский?" - отвечал довольно грубо: "Ступайте на самый верх, направо". Наверху в передней я никого не нашел, в зале тоже; из соседней комнаты слышался разговор, я начал кашлять, выглянула молодая девушка. Я поклонился ей.

- Вам, верно, брата Леонида нужно? - проговорила она и ушла назад. Через несколько минут вышел мой ученик.
- Bon soir*, пойдёмте в кабинет, - проговорил он, подавая мне руку.

* Добрый вечер (франц.).

Мы вошли в довольно большую комнату, которая, видно, действительно была некогда богатым кабинетом, но в настоящее время представляла страшный беспорядок: стены под мрамор в некоторых местах были безбожно исколочены гвоздями, в углу стоял красивый, но с изломанною переднею решеткою камин, на картине масляной работы висела шинель. Хозяин спал на кушетке, на которой еще лежали небрунные простыня и подушки. Мягкая мебель, обитая бархатом, была переломана и изорвана. На огромном красного дерева столе лежали кипами бумаги, книги и ноты. Мы сели около этого стола.

- С чего же мы начнем? - заговорил я серьезным тоном наставника.
- С чего хотите, - отвечал ученик небрежно.
- Я желал бы, - продолжал я в том же тоне, - прежде испытать, в какой мере вы знакомы с математикой, и просил бы позволить мне проэкзаменовать вас.
- Хорошо.
- Первую часть арифметики, вероятно, вы знаете?
- Знаю.
- А вторую?
- Кажется, знаю; впрочем, может быть, и забыл.

Я взял лист бумаги и хотел написать задачу, но оказалось, что из дюжины торчавших в чернильнице перьев ни одно не писало, да и чернил почти не было.

- У вас перья не совсем в порядке, - заметил я.
- Да; я сам не умею чинить; вот вам карандаш, - отвечал ученик, поднимая с полу карандаш и подавая мне его.

Для первого испытания я задал ему сложение десятичных дробей; он взял и положил с какою-то насмешливою улыбкою лист перед собою, подумал немного, провел несколько линий карандашом по бумаге и, отодвинув ее от себя, проговорил:

- Нет, не знаю, позабыл.

Я задал ему сложение простых дробей, но он и в тех спутался; потом об алгебре признался, что совсем ее не знает, а геометрии немного. Я принялся экзаменовать его в геометрии, на поверку вышло, что и в геометрии нуль. Я нахмурился.

- Вы очень слабы в математике; с вами надобно проходить с начала, сказал я.

- Лучше с начала, а то я все переабыл.
- Стало быть, мы начнем со второй части арифметики, - решил я.

Ваньковский в знак согласия кивнул головой. Я был убежден, что с ним следовало бы начать с первой части арифметики, но высказать ему это мне на первый раз было совестно.

В продолжение часа я толковал с увлечением, и в то время, как окончательно хотел объяснить прием деления дробей, ученик мой во все горло зевнул и

спросил меня:

- Вы курите?

Мне сделалось стыдно за себя и досадно на него.

- Курю, - отвечал я.

- Хотите трубку или сигару?

- Позвольте трубку.

Леонид встал, наложил мне сам трубку, а себе закурил сигару, и когда я хотел снова обратиться к толкованию, он сказал:

- Будет, больше часа прошло, не хочется что-то сегодня.

Я пожал плечами.

- Вам надобно очень много заниматься, чтобы выдержать экзамен, произнес я с ударением.

- Займусь, - я хочу на юридический.

- Все равно; надобно выдержать экзамен из всех предметов, - отвечал я.

- Что тебе, Лида? - спросил Леонид, обращаясь к дверям.

- Вы здесь будете пить чай или туда придете? - раздался женский голос.

Я обернулся; это была прежняя девушка.

- Туда придем, - отвечал Леонид.

Девушка скрылась. Я взялся за фуражку.

- Куда же вы? Посидите, пойдете, я познакомлю вас с нашими.

Я положил фуражку; он провел меня в гостиную. В больших креслах сидела высокая худощавая дама лет сорока пяти, рядом с нею помещался, должно быть, какой-нибудь помещик, маленький, толстенький, совсем белокурый, с жиденькими, сильно нафабранными усами, закрученными вверх, с лицом одутловатым и подозрительно красным. Лидия разливала чай, около нее сидели чопорно на высоких детских креслах две маленькие девочки.

Ученик мой подвел меня к даме и отрекомендовал. "Матушка моя", отнесся он ко мне.

Госпожа Ваньковская кивнула мне слегка головою и, проговоря с обязательною улыбкою: "Очень приятно познакомиться", указала мне глазами на ближайший стул.

Я сел.

- Вы давно в университете? - спросила она меня.

- Четвертый год.

- Имеете батюшку, матушку?

- Имею-с мать.

- Как, я думаю, ей приятно, что вы в университете, я это сузу по себе: мне очень хочется, чтобы Леонид поступил поскорей в студенты, - проговорила г-жа Ваньковская. - Он, я думаю, ничего не знает, - прибавила она, взглянув на сына.

Леонид ничего на это не возражал, а только нахмурился и сел за чайный стол около сестры.

- Это не так трудно: если займется, так скоро приготовится, - отвечал я.

- Вы, пожалуйста, будьте с ним строже; у него прекрасные способности, только он очень ленив: это говорили все его учителя, - сказала г-жа Ваньковская и, найдя, конечно, что достаточно обласкала меня, обратилась к помещику:

- Какие у вас прекрасные лошадки, Иван Кузьмич, я всегда ими люблюю.

- Очень приятно слышать, - отвечал тот.
- Премиленькие, небольшие, а очень красивенькие.
- Вятки-с.
- А, так это вятки! Я и не знала.
- Вятки-с. Они у меня возят воду и воеводу. Я на них в город езжу и в дорогах верст по семидесяти делаю, не кормя.

- Как это много! Они, я думаю, очень устают?
- Нет-с, ничего. Эта порода снослива, им часа два дайте вздохнуть и опять ступай смело на семьдесят верст; только чтоб горячих не напоить.

- Зачем же вы в городе всегда шагом ездите? - сказал вдруг Леонид, взглянув насмешливо на Ивана Кузьмича.

- Здесь нельзя шибко ездить, Леонид Николаич, - возразил тот. - На мостовой снег хуже песку; здесь один Кузнецкий проехать на рысях, так лошадь надорвешь.

- Другие же ездят?
- От других и мы не отстанем, давайте ваших коурых, потягаемся!
- Стану я с вами тягаться; я вас на одной версте обгоню на две версты.
- Шутите, а я бы с вами поспорил.
- Что тут спорить, все знают, что у вас лошади дрянь и вы жалеете их больше себя.

- Ну уж это, Леонид Николаич, вы ошибаетесь; у меня хоть лошади не дорогие, а не дрянь, и я не жалею их и езжу, где можно.

Этот спор Леонида, кажется, был очень неприятен матери.

- Лида! Что же чаю? - отнеслась она к дочери.

- Сейчас, - отвечала Лидия и сама подала матери чашку.

Та прихлебнула, сделала гримасу и проговорила:

- Опять сладко; никак ты не можешь примениться к моему вкусу.

- Позвольте, я разбавлю.

- Оставь уж, - возразила Ваньковская; в голосе ее слышалась досада.

Лидия немного сконфузилась и пошла к чайному столу.

- А Ивану Кузьмичу чаю? - сказала мать.

- Он готов, - отвечала дочь, указывая глазами на стакан чаю, стоявший на краю стола.

- Виноват-с, - перебил Иван Кузьмич, быстро вставая и беря стакан, и, как-то особенно расшаркавшись перед Лидой, пробормотал ей что-то. Она, с своей стороны, ничего не отвечала.

Мне и Леониду подал чай лакей. Леонид закурил себе сигару и подал другую мне. Я отказался.

- Что же ты, Леонид, Ивану Кузьмичу не предложишь трубку? - сказала мать.

Леонид нахмурился.

- Хотите? - спросил он Ивана Кузьмича.

- Прошу вас, - отвечал тот.

- Подай сюда трубку, - сказал Леонид человеку.

Я между тем стал внимательно смотреть на молодую девушку, которая поила маленьких сестер чаем. Чем более я в нее вглядывался, тем более она мне нравилась. Она была далеко не красавица, но в то же время в ней было что-то

необыкновенно милое и доброе, что невольно влекло к ней с первого раза. Чайный стол, наконец, был убран, разговор как-то не клеился: мать говорила вполголоса с Иваном Кузьмичом; Лидия Николаевна села за работу; мой ученик молчал и курил. Я хотел было уйти домой, но Леонид встал, раскрыл стоявшую тут рояль и, не обращая ни на кого внимания, сел и начал играть. Я невольно стал вслушиваться; в игре его, кроме мастерского приема, слышалось что-то энергичное, задушевное. Молодая девушка, умышленно или нет, не знаю, пересела рядом со мною. Леонида слушали внимательно все: Иван Кузьмич придал лицу грустное выражение, мать потупилась, даже маленькие девочки перестали между собою болтать.

- Как брат хорошо играет, - сказала мне Лидия Николаевна.

- А вы любите музыку?

- Очень.

- А сами музыкантша?

- Да... но нет, я гораздо хуже его играю.

Леонид вдруг на половине пьесы остановился, встал, сел около меня и опять нахмурился.

В остальную часть вечера Иван Кузьмич принимался несколько раз любезничать с Лидией Николаевною; она более отмалчивалась. Леонид беспрестанно говорил ему колкости, на которые он не только не отвечал тем же, но как будто бы даже не понимал их.

Возвратившись домой, я все думал о моих новых знакомых; более всех мне понравились Лидия Николаевна и Леонид. Старшая Ваньковская, Марья Виссарионовна, как назвал мне ее Леонид, произвела на меня какое-то неопределенное впечатление, а этот Иван Кузьмич плоховат. И что он такое тут? Родня, знакомый, жених?

II

С тех пор как я познакомился с Ваньковскими, жизнь моя сделалась как-то полнее. Все вечера после уроков я проводил у них. Говоря откровенно, я, сам того не замечая, влюбился в Лидию Николаевну. Каждый день я более и более с мучительным нетерпением начал ожидать шести часов, чтобы отправиться в заветный дом на Смоленском рынке, и всю дорогу меня занимала одна мысль: дома ли Лидия или куда-нибудь уехала? Увижу я ее или нет? Проходил я обыкновенно прямо к Леониду в кабинет и в продолжение часа, занимаясь с ним, все прислушивался: не долетит ли до меня звук ее голоса. Я знал ее походку, чувствовал шелест ее платья, и потом, когда мы, кончив занятия, входили в гостиную, - если не было ее там, мной овладевала невыносимая тоска: я садился, задумывался и ни слова не говорил; но она входила, и я оживал, делался вдруг весел, болтлив. Не знаю, замечал ли это кто-нибудь, но только Лида была ко мне очень ласкова: вообще молчаливая, со мной всегда заговаривала первая и всякий раз, когда я собирался уходить домой, говорила мне вполголоса: "Куда вы? Посидите, еще рано!"

Марья Виссарионовна добрая женщина, но решительно не умеет держать себя с детьми: Леонида она любит более всех, хотя и спорит с ним постоянно, и надобно сказать, что в этих спорах он всегда правее; с маленькими девочками она ни то ни се, или почти ими не занимается, но с Лидией Николаевною обращается в высшей степени дурно. Бедная девушка поставлена в такое положение,

что скорее походит на приживалку, чем на дочь. Она занимается всем хозяйством, учит и нянчит маленьких сестер и, несмотря на все это, получает от матери беспрерывные замечания за всевозможные пустяки. Ко мне Марья Виссарионовна привыкла. Иван Кузьмич отрекомендовался мне, сказав, что он калужский помещик Марасеев, и просил обязать его приятным моим знакомством. Он очень недалек и, кажется, к Лидии Николаевне равнодушен, Марию Виссарионовну уважает, а Леонида боится. Что касается до сего последнего, то он по-прежнему ничего не делает, но, сблизившись с ним, я увидел в нем очень умного человека, в высшей степени честного по своим убеждениям и далеко не по летам развитого. Я день ото дня более к нему привязывался, и он, с своей стороны, высказал мне, что полюбил меня.

К Ваньковским ездила еще одна дама, некто Лизавета Николаевна Пионова, и ездила почти каждый день, рыжая, рябая, с огромным ртом, влажными серыми глазами и, по-видимому, очень хитрая: к Марье Виссарионовне она обнаруживала пламенную дружбу, а от Ивана Кузьмича приходила в восторг и всегда про него говорила: "Чудный человек! Превосходный человек!". За Леонидом она, кажется, приволакивалась, а он говорил ей на каждом шагу дерзости и показывал явное пренебрежение. Раз она, не зная, о чем бы с ним заговорить, попросила его дать ей какую-нибудь книгу читать. Сначала он ей отвечал: "У меня никаких нет книг". Она не отставала. "Да какую вам надобно книгу?" - наконец, спросил он. "Какую-нибудь поинтереснее". Он пошел и принес ей календарь. Она надулась. Когда она обращалась к нему с просьбою сыграть на фортепьяно, он садился и начинал казачка. Досаднее всего, что эта госпожа обходилась с Лидиею Николаевною свысока и едва ее замечала.

Однажды я пришел на урок. Леонида дома не было: это с ним часто случалось. Я прошел в кабинет. Мимо растворенных дверей промелькнула горничная, потом другой раз, третий - и, наконец, вошла в кабинет.

- Что вы изволите сидеть одни-с, барышня дома, - сказала она.

- Где же Лидия Николаевна? - спросил я не совсем спокойным голосом.

- В гостиной, пожалуйста туда-с; я докладывала об вас.

Я прошел в гостиную. Лидия Николаевна сидела за пальцами.

- Брат сейчас приедет, он поехал с маменькою, - сказала она.

Я сел. Говорить с Лидиею Николаевною было для меня величайшим наслаждением, но мне это редко удавалось. Я решился воспользоваться настоящим случаем.

- Какую вы огромную картину вышиваете, - сказал я.

Приличнее этого мне ничего не пришло в голову.

- Эта еще не так велика... Посмотрите, какое славное лицо у старика, отвечала Лидия Николаевна, показывая узор, на котором был изображен старик с седою бородою, с арфою в руках, возле его сидел курчавый мальчик и лежала собака; вдали был известный ландшафт с деревьями, горами и облаками.

- Надобно иметь истинно женское терпение, чтобы все это вышить, продолжал я, рассматривая узор.

- Нет, это не терпение, а так... от нечего делать... - отвечала Лидия Николаевна. - Хорошо, если бы женщины должны были иметь терпение только вышивать подушки, которые потом запачкаются и бросятся, - прибавила она, вздохнув.

- А где же им оно еще нужно? - спросил я с ударением.

- В жизни.
- Это, я полагаю, нужно мужчинам и женщинам.
- Мужчинам? О, нет! Они гораздо свободнее; они могут быть тем, чем хотят, а мы бываем тем, чем нам велят.
- "Милая девушка, как она умна", - подумал я.
- Мне кажется, - начал я вслух, - что женщины в наше время довольно свободны...
- Чем же свободны? Может ли, например, женщина выйти или не выйти замуж?
- Конечно, может.
- Нет, не может, потому что над ней сейчас станут смеяться, назовут старою девушкою, скажут, что она зла; родные будут сердиться, тяготиться: на это не останется никакого терпения.
- Необходимость выйти замуж для каждой девушки делается приятною: стоит только выйти за того, кого полюбишь.
- А если никого не любишь?
- Надобно дожидаться: для всякой женщины придет пора, когда она полюбит.

- Не думаю, я первая никогда и никого не полюблю.
- Это почему вы думаете?
- Так... Полюбить одного, а выдадут за другого: лучше уж никого не любить.

Интересный разговор наш был прерван на этом месте приездом Леонида с матерью.

Мы ушли с ним в кабинет.

В этот раз я не совсем добросовестно исполнял обязанность наставника. Теорию неопределенных уравнений растолковал так неопределенно, что это даже заметил мой воспитанник, хотя и слушал меня по обыкновению очень невнимательно.

- Вы что-то сегодня совсем непонятно рассказываете, - сказал он с обыкновенною своею откровенностию.

- Мне нездоровится, - отвечал я.

- Ну так оставьте, и мне надоело. - Пойдемте в гостиную.

Я только того и ждал и дал себе слово во что бы то ни стало возобновить с Лидиею Николаевною прежний разговор, но на беду мою несносный Иван Кузьмич был уже тут и сидел рядом с нею. Марья Виссарионовна рассказывала какую-то длинную историю про одну свою родственницу, которой предстояла прекрасная партия и которую она сначала не хотела принять, но потом, желая исполнить волю родителей, вышла, и теперь счастлива так, как никто; что, наконец, дети, которые слушаются своих родителей, бывают всегда благополучнее тех, которые делают по-своему. Говоря это, она переглядывалась с Иваном Кузьмичом, который ей поддакивал, и взглядывала на дочь; та сидела, потупившись, и ни слова не говорила. Леонид слушал мать с насмешливою улыбкою. Мне бы, вероятно, целый вечер не удалось переговорить с Лидиею Николаевною, но приехала Пионова. С нежностию поздоровалась она с Марьею Виссарионовною, издала радостное восклицание при виде Ивана Кузьмича, который у ней поцеловал руку, и тотчас же начала болтать, а потом, прищурившись, взглянула

в ту сторону, где сидел Леонид, и проговорила сладким голосом:

- Вы здесь, Леонид Николаич, я вас и не вижу... Здравствуйте!

Тот не пошевелился и ни слова не сказал; меня и Лидию Николаевну она по обыкновению не заметила. Лидя вышла, наконец, в залу, я тоже последовал за нею, благословляя в душе приезд Пионовой. Когда я вошел, Лидия сидела на небольшом диване, задумавшись. Увидев меня, она улыбнулась и проговорила:

- Я ушла, там очень жарко, посидимте здесь.

Я стал около нее.

- Вы будете у нас завтра? - спросила она.

- Буду.

- А послезавтра?

- Послезавтра воскресенье, урока у меня нет.

- Ничего, приходите обедать и на целый день.

Я обмер от радости.

- Завтра я не буду целый день дома, - прибавила Лидия.

- Где ж вы будете? - спросил я.

- В пансионе у madame Жарве. Там завтра акт и вечером бал.

- Стало быть, вы завтра будете веселиться?

- Какое веселье!.. Я не люблю балов, но я там училась; начальница меня очень любила; сама приезжала и просила, чтоб мамаша меня отпустила; она очень добрая!

- Я знал одну из воспитанниц madame Жарве; та не похожа на вас и, кажется, очень любит балы.

- Кто такая?

- Вера Базаева, которая мне еще как-то кузиной приходится.

- Верочку Базаеву? Она вам кузина! Эта наша пансионская красавица. Скажите, где она и что делает?

- Я думаю, танцует и кокетничает.

- Право? Она, впрочем, всегда была немного кокетка, а какая хорошенькая! Сначала я была с ней дружна, а потом расстались холодно; она тогда зиму жила здесь, очень много выезжала, и мы почти не видались.

- У меня с нею почти были такие же отношения: на первых порах мы с ней очень скоро подружились, или по крайней мере она уверяла меня, что ей очень ловко танцевать со мною вальс, а я находил, что она очень хороша собою.

- Вы не были в нее влюблены?

- Нет.

- Не может быть.

- Отчего же не может быть?

- Оттого, что она так мила, что нравится всем.

- На первый взгляд, может быть, а потом, взглядевшись, увидишь, что красоте ее многого недостает.

- Чего ж недостает?

- Мысли, чувства, души.

Лидя не возражала.

- Вы напрасно думаете, - продолжал я, - чтоб я мог быть влюблен в Базаеву; по моим понятиям, женщина должна иметь совершенно другого рода достоинства.